

Иван Елагин

Косою полет

Иван Елагин

КОСОЙ
ПОЛЕТ

СТИХИ

ИЗДАНИЕ «НОВОГО ЖУРНАЛА»

НЬЮ-ЙОРК, 1967

THE SLANTED FLIGHT

by

IVAN ELAGIN

Обложка работы

С. Л. Голлербаха

Copyright by the author, New York 1967

Printed by Waldon Press Inc., 150 Lafayette St., NYC.

Моей дочери
Лиле

МОЙ ДЕНЬ

Шли зданья, раскинув
На сотни кварталов
Огни магазинов,
Сиянье вокзалов.

Навстречу мне били
Слепящие светы
От ангельских крылий
Летающей газеты.

Там тень, что смятенной,
Неслышной машиной
Летает по стенам
Как нож гильотинный.

Там лампочки, винным
Подобны бокалам,
Со светом карминным,
Оранжевым, алым.

Я тенью по стенам
Чуть видно намечен,
Я красным рентгеном
Под сердце просвечен.

То прячусь в сторонке
Под стать невидимке,
То где-то на пленке
Я вспыхнул на снимке,

Казалось, что магний
Блистательно вспыхнул,
Казалось, я ахнул
И сразу же стихнул,

И сразу потухнул,
И как-то опально,
Отверженно рухнул
В какую-то спальню,

Я в простыни канул,
Я канул в матрацы,
Мне снятся мельканья,
Мне здания снятся.

По шумным проспектам,
По улочкам жалким
Там катится некто
В ночном катафалке.

Мой день бездыханный
Там катится шариком ртутным
По кафелю ванной,
В которой я выбрился утром.

Там день мой хоронят
Со всем его шумом и вздором
В том самом вагоне,
В котором я ехал в контору.

Почивший, безгласный,
Он виден мне сверху отсюда, —
Мой день, что погаснул
За темным холмом ундервуда,

Мой день, по котором
Отходные шепчут молитвы
Его коридоры,
Его кабинеты и лифты,

Его неудачи,
Его треволненья и страхи,
Мой день, что потрачен
На всякие охи и ахи,

Который был отдан,
Который вручен без остатка
Углом, переходам,
Туннелям, мостам, пересадкам,

И всем телефонам,
И пошлости всех разговоров,
И нежно-зеленым
И красным огням светофоров, —

Он жил суетливо,
И как-то погиб несуразно,
В каких-то архивах,
В каких-то бумагах увязнув,

Сидит секретарша
Еще и поныне в приемной,
Где в траурном марше
Колышется гроб его темный.

Мой вечер короткий
Расхищен, растаскан, развеян.
И только ошметки
Блестят еще в окнах кофеен.

Он двинулся в вечность
Со всем своим скарбом.
Мой день скоротечный
Ушел к динозаврам.

Я вижу в пространстве
Вселенной туманной
Блистанье фаянса
И кафеля ванной.

Лицо мое брея,
В сиянии пены,
Я пробую, время,
Ломать твои стены.

И хрупко и ломко
Стеклянное завтра.
Я прямо к потомку
Веду динозавра,

И с ним его дебри,
Его океаны,
И месяц, серебрян,
Свисает с лианы.

Шумят эвкалипты.
Летят метеоры.
Я двигаюсь к лифту.
Спешу из конторы.

ПИСЬМО АНТИПОДУ

Уже над миром ночь
Играет в белый мяч.
Скитайся, одиночь,
По улицам маячь.

Помедли где-нибудь
У пристани речной,
Где блещет Млечный путь
И небоскреб ночной.

Бумажную труху
Несет по мостовым.
И спутники вверху
Летают по кривым.

А человек внизу,
А человек на дне,
И жметя навесу
Над ним стена — к стене.

И у бетонных плит
Стоит он одинок,
И звездами облит
Он с головы до ног.

Вот так и я стою
Под звездами один
В моем глухом краю
Заборов и рябин.

Как город мой хорош!
В нем улеглась метель.
А где-то ты живешь
За тридевять земель.

И между нами тишь
И между нами гладь,
И если ты кричишь,
То мне не услышать.

Ты от меня далек,
Ты в городе своем,
И между нами лег
Могучий водоем.

Кораллы там цветут,
Там плавают киты.
Когда я крикну тут,
То не услышишь ты.

В снегу тут ель и вяз,
Тут снег на сотни верст.
Мой дом в снегу увяз,
Мой дом в сугробы вмерз.

А там, где ты живешь —
Тень пальмовых ветвей,
И звезд иной чертеж
Над головой твоей.

К лотку я подошел,
Газету я беру,
Хоть знаю хорошо,
Что это не к добру.

Пускай я наугад
Газету разверну,
Я знаю — там трубят
Про новую войну.

Я на любой волне
Включаю аппарат,
Но знаю — о войне
Там тоже говорят.

Принадлежит статья
Не моему ль перу,
И разве же не я
По радио ору,

Выкрикиваю ложь,
Несу галиматью,
Что ты меня убьешь,
Что я тебя убью.

Как бы двойное дно
Устроено внутри,
Подумаешь одно, —
Другое говори.

Как бы двойное дно,
Как будто две души,
Подумаешь одно, —
Но о другом пиши.

И ты проходишь там
Под звездами один
В своем краю реклам,
В своем краю витрин.

И ты берешь с лотка
Газетный динамит,
Где с каждого листка
Поджогами дымит.

Газетчик за пятак
Тебе всучает бред
С угрозами атак,
Со схемами ракет.

И ты, читая ложь,
Несешь галиматью,
Что ты меня убьешь,
Что я тебя убью.

Пусть спутник надо мной
Все выше, все сложнее,
Но спутник мой земной
Небесного важней,

И знаю я одну
Из всех земных забот:
Кто не убьет войну,
Того война убьет.

Кто там над Тихим и Атлантическим
В небе снарядом свистит баллистическим?

Лучше давайте запустим шутихи
Над Атлантическим или над Тихим.

Или к созвездьям качели подвесим,
Чтобы визжа пролетать поднебесьем,

Иль над заливом Беринговым льдыстым
Гулким мостом прозвеним, как монистом.

А у Камчаток и у Алясок
Выстроим базы детских колясок.

И откровенно заявим мы парням,
Тем, что взрывают за кругом полярным, —

Все ваши бомбы сложите огулом,
Все ваши бомбы швырните акулам!

Мой сопланетник! давно уж пора нам
Небо вечернее сделать экраном,

Чтобы показывать миру оттуда
Фильмы Парижа, Москвы, Голливуда,

Мы стадион с колоссальной трибуной
Соорудим на поверхности лунной

И кораблей межпланетных армаду
Вышлем на лунную олимпиаду.

Только все эти мечтания всеуе,
Стих мой, кому я тебя адресую?

Стих мой, куда тебя волны угнали
В легкой бутылке, в стеклянном пенале?

Стих мой, плывешь при попутных ли ветрах?
Кто тебя выловит — друг или недруг?

Я забросил бутылку в воду,
А в бутылке — письмо антиподу,

Иль себе самому письмо
Я послал от себя самого.

И бутылка — кусок стекла —
Закачалась и поплыла.

Хватит слоняться праздно по безднам.
Надо заняться чем-то полезным.

Скажем, печати купить, и начать
Ставить на каждом закате печать.

Чтобы закат у дороги шоссейной
Как экспонат изучался музейный,

Чтобы из мира он выбыл со штемпелем,
Зарегистрирован розово-пепельным,

Чтобы отметил спектральный анализ,
Как эти краски хрустально менялись.

Может быть дети в столетьи тридцатом
Сложат по этим соцветьям закаты,

Сверят по рубрикам, сложат по кубикам,
Смажут по небу карминовым тюбиком,

И над каким-нибудь городом хмурым
Небо зажгут золотым абажуром, —

Это стихи мои вспыхнут как хворост,
Это закат мой зажжется еще раз.

Я умиленно составлю каталог
Дынно-лимонно-оранжево-алых,

Медных закатов,
Дымных закатов,
Летних закатов,
Зимних закатов,

Тощих и розовых
В рощах березовых,

Распространенных
В тихих затоках,

Свет расплескавших
В лиственных чащах,

В бешеной ярости
Брошенных в заросли,

Где-то на пастбищах
Медленно гаснущих,

Золототканых
На океанах.

— А закат все ниже стекал
И наполнял сияниями
Вечернего неба стакан,
Поставленный между зданиями.

ПОЭТ

Он жил лохматым зачумленным филином,
Ходил в каком-то диком колпаке
И гнал стихи по мозговым извилинам,
Как гонят самогон в змеевике.

Он весь был в небо обращен как Пулково,
И звезды, ослепительно-легки,
С ночного неба просветленно-гулкового,
Когда писал он, падали в стихи.

Врывался ветер громкий и нахрапистый,
И облако над крышами несло,
А он бежал, бубня свои анапесты,
Совсем как дождь, проскакивая вкось.

И в приступе ночного одичания
Он добывать со дна сознания мог
Стихи такого звездного качания,
Что, ослепляя, сваливали с ног.

Но у стихов совсем другие скорости,
Чем у обиды или у беды,
И у него с его судьбой напористой
Шли долгие большие нелады.

И вот, когда отчаяние вызрело
И дальше жить уже не стало сил —
Он глянул в небо и единым выстрелом
Все звезды во вселенной погасил.

Неслышно входит городское лето
В отведенное для деревьев гетто,

Где пробегает по дорожке пес,
И где деревьев несколько вразброс,

Тревожно размещая светотени,
Стоят как декорации на сцене.

А чуть поодаль — каменный потоп:
Плывет за небоскребом небоскреб,

И снова небоскреб за небоскребом
Вздымается гигантом темнолобым.

А я стою под ветром и листвою,
Я от листвы и ветра сам не свой,

И этот сад почти как остров странен,
Мне кажется, что я — островитянин,

И что когда-то, может быть в раю,
Я видел эту бедную скамью,

И эту невысокую ограду,
Я помню пса, бегущего по саду,

И предо мной встает со дна морей
Сад затонувшей юности моей.

Что с деревом делать осенним,
С оранжевым сотрясеньем,

Плеском и колыханьем,
С блеском его чингисханьим,

С этим живым монистом,
С деревом тысячелистым?

С деревом тысячелистым,
Резким, броским и тряским,
Истым импрессионистом
По хлестким мазкам и краскам!

С деревом, что смеется,
С деревом-знаменосцем!

Глянь на его богатства, —
Некому с ним тягаться!

Осень в него вложила
Золотоносные жилы,

Солнца вкатила столько,
Что светится как настойка!

С неба закаты взяты
И влиты в него закаты,

Гнется под ветром крупным,
Бьется цыганским бубном, —

Не дерево, а кутила,
Осень озолотила!

Что с деревом делать осенним,
С круженьем его, с крушеньем,

С его золотой падучей?

Листья сгребаем в кучи
И меж домов громоздких
Сжигаем на перекрестках.

Алебастром сверкает гостиница,
А вокруг нее пальмы павлинятся

И, качаясь по ветру размашисто,
Синевою небесною мажутся,

И дрожит над своими пожитками
Море, шитое белыми нитками.

А над морем, над пляжем, над пальмами
Ходит солнце — охотник за скальпами,

Озирается, по небу ходючи,
И ножи его блещут охотничьи...

И лежу я под пальмами этими,
Говорю я с тысячелетьями,

С ветром, солнцем, и морем, и сушею,
И что мне говорят они — слушаю.

Читаю Боккаччо,
Чуточку морщусь;
Поезд, покачивая,
Мчит через рошу.

Окнами глупыми
Пульман закупорен,
Солнце за купами
Катится кубарем,

Солнце ныряет,
В листве догорая...
Мы, дорогая,
У самого рая.

А рай перевозанный,
Могучий, дремотный,
С пещерой стеклянной
В гостинице модной...

Там выкрики чаек,
И море, и скалы,
И пальма качает
Свои опахала,

И так мы похожи
На Еву с Адамом,
Ты — с сумкой дорожной,
А я с чемоданом.

По нашим небыстрым
Торжественным жестам
Поймут: мы — туристы,
В раю мы проездом.

Как с трамплина влетают в бассейн,
Так и я моей тяжестью всей

Рассекаю до самого дна
Стекловидную светопись дня.

Словно тело в стекло вплетено,
Словно тело в стекле ледяном,

И вослед сквознякам световым
Я теку по каким-то кривым,

Словно я в полусмерть занесен,
В полусвет, в полумрак, в полусон;

Обнадежь меня, время, скажи,
Что я вставлен в твои витражи:

Когда стекла твои зацветут,
Ты поставишь меня на свету,

На юру, на восход, на закат,
В листопад, в снегопад, в звездопад.

Встал у платформы дымный и шипящий
Вечерний поезд, выходец из чащи.
Но стоит только пристальной взглядеться,
Поймешь, что поезд — выходец из детства.
И может быть ты обнаружишь сходство
С тем мальчиком, который там смеется.

А поезд снова просекой еловой
Погнался за луной большеголовой,
Где по бокам большие тени леса
Толкаются и под колеса лезут.
А мальчик за ночным локомотивом
Так и остался лунным негативом.

Остался за стеклянным расстоянием,
За временем, за звуком, за сиянием,
Куда уже не добежать по шпалам.
За временем, за выщербленно-впалым
Пересеченным временем, за теми
Деревьями, уплывшими за темень.

Я решаю вопрос большой —
Что мне делать с моей душой?

Вот стою я под фонарем,
Говорю ей — вдвоем умрем,

Только жизнь со мной промытарь —
И потухнешь ты, как фонарь.

А выходит, что все вранье,
Что обманываю ее,

Что дела ее нехороши,
Что бессмертье есть у души!

И хотя она здесь со мной,
Для нее я — двор проходной,

Сквозь который душа пройдет
От одних до других ворот.

Мне то что, я пойду на снос,
Вот с душою как быть — вопрос.

Как помочь разорвать ей круг
Этих вечных блаженств и мук.

Что же будет с моей душой?
Вечность все-таки срок большой!

На Севере и на Юге,
На Западе и Востоке,
Волны сгибая в дуги,
Плещут моря — широки.

Суши клочек сиротский
Всем нам отмерян скупю.
Словно живем на клетке,
Где-то в тарелке супа.

Вот занесет волною,
Так, как заносит снегом,
И никакому Ною
Не уцелеть с ковчегом.

Только звезда над зыбким
Неугомонным лоном,
Да проплывают рыбки
По храмам и стадионам.

НИАГАРА

Лакированным отрядом
Мчат они по автострадам.

Пролетают, как в угаре,
К Ниагаре, к Ниагаре!

Бравый парень за рулем
Восседает королем.

Он король-молодожен,
Он как пушка заряжен!

И сидит у парня справа
Расфуфыренная пава.

Ниагара, Ниагара,
Над речным резервуаром

Упираясь в берега,
Блещет вольтова дуга!

Ослепительно, бурливо
Со скалистого обрыва,

Точно с ткацкого станка,
Льются белые шелка.

Ниагара, грохот твой
У меня над головой,

Надо мной твой звездный ливень
Неизбывен, непрерывен.

Над веками, над людьми
Ты шумела и шуми,

Ниагара, так и стой
Подвенечною фатой!

Пусть шипит твоя волна,
Добела расщеплена.

Ниагара, Ниагара,
Обдаешь ты белым паром,

Ты вздымаешь горы брызг,
Над тобою чаек визг,

И малютка-пароходик
Под стеной твоей проходит,

Под летящею стеной,
Ледящей, навесной.

Ниагара, Ниагара,
Никому ты не нагала,

Твой пленительный обвал
Грохотать не уставал.

Отчего ж такая кара,
Ниагара, Ниагара?

Над тобою непрестанно
Вырастают рестораны,

Твой могучий водоем
Отдан хищникам внаем,

И пристал как банный лист,
Облепил тебя турист,

Он толпится у перил,
Он очки в тебя вперил,

Он садится в вертолет,
Сверху он в тебя плюет,

Там где воды мчатся вскачь —
Сколько выстроено дач!

Там где вечность шумно льет —
Он свои коктейли пьет,

И жену как тесто месит,
Проводя медовый месяц,

Дышит пьяным перегаром...
Ниагара, Ниагара!

Помнишь ты, как ирокез
По твоим порогам лез?

Сжаты водами в тиски,
Мчались в бочках смельчаки,

В твой поток кидаясь ярый,
Ниагара, Ниагара!

Пред толпою хорохорясь,
Над тобой канатоходец

Балансировал с шестом
И чернел вверху крестом.

А совсем внизу у спада,
Где вода толпиться рада,

Где река буграми взрыта
Между выступов гранита,

Прямо в каменные щели
Гидростанции засели.

Рев бушующих турбин
Слился с грохотом глубин.

Ниагара, сотрясай
Гидростанций корпуса!

Ниагара, оправдай
Все на свете провода!

Чтобы славу разносила
О тебе электросила,

Что ты трудишься на благо,
Что у нас ты работяга,

Что ты мощь земного шара,
Ниагара, Ниагара!

Бог восхитился шаром.
Взялся за шар он с жаром.

Создал миров миллиарды,
Каждый как шар бильярдный,

И стало привычным бытом
Шарам кружить по орбитам.

А я себе во вселенной
Дом выстроил четырехстенный,

Ребристый, угластый, колкий,
С крышею треуголкой.

А я под небом голубеньким
Сажу и играю в кубики.

Бог выгнет коленцем дерево
И краской зеленой мажет, —
Стоит оно так растерянно,
Стоит и листьями машет.

А я себе для порядку
Сколачиваю оградку,
Я прибиваю доски,
А доски остры и плоски.

Бог прикоснется к облаку,
Только погладит по боку —
И облако золотится,
Свисает с облака птица.

А в небе моем, как вены,
Проволоки и антенны.

Бог ходит по меридианам,
Все Богу кажется странным,

А я по дорогам шоссейным,
Скучным, прямолинейным.

А для моей души
Нужны купола, кругляши,

Овальности и покатости
Для радости и для святости.

Земля моя, колобок,
Куда тебя катит Бог?

Н. и Р. Магидовым

Стопудовые и древние
Камни высятся в лесу,
И деревья за деревьями
Держат ветки на весу.

И не знаешь — то ли озеро
Там блестит наискосок,
То ли вечность заморозила
Неба синего кусок.

И деревья, в выси аховой
Разметавшие верхи,
С каждой ветки солнце стряхивают
На каменья и на мхи.

Я хотел бы жить тут лодырем,
Ни о чем не думать впредь,
И во все глаза до одури
С удивлением смотреть.

Странно и неожиданно
Стал я богачем:
Я набил карманы
Солнечным лучем.

Я теперь богат,
Мне теперь почет.
Я кладу закат
На текущий счет.

А как дуб листвою
Надо мною тряс,
Он мне отдал свой
Золотой запас.

Крепче всех валют,
Звонче всех монет
Те лучи, что льют
Предвечерний свет.

Больше всех богатств
Тот закат в огне,
Что сейчас погас
У меня в окне.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА

С веком рассорясь,
Жил стихотворец.

Он напевал —
А его наповал.

Он теперь, как прочие,
Ждет, занявши очередь:

Из могилы выроют,
Реабилитируют.

Я не знаю, где бы выпросить
Краску, чтобы ветер выкрасить.

Прекратить нелепость дикую,
Что он ходит невидимкою.

Я люблю определенности,
Красности или зелени,

Фиолетовости, синести,
А вот ветра мне не вынести,

Потому что ветер — фикция,
Хоть и есть у ветра дикция.

Вот и мыслью ошарашен я,
Чтобы ветер дул раскрашенно,

Дул павлинисто, фазанисто,
Дул гогенисто, сезанисто,

Чтоб по всей его волнистости
Шли сиреневые мглистости,

Чтоб скользили по наклонности
Голубые просветленности,

Чтоб он гнал в рывках неистовых
Цветовую бурю выставок,

Пусть по ветру фордыбачатся
Все абстрактные чудачества,

Многоцветные, несметные,
Несуветно-беспредметные,

Пусть в его порывах множатся
Сумасшедшие художества,

Пусть разгуливает клоуном
Идиотски размалеванным,

Пусть размахивает красками,
Как платками самаркандскими.

Весь вмещенный в очертания,
В свето-цвето-сочетания,

Пусть проходит ветер красочный,
Кочевой, блестящий, сказочный.

ЗАВЕЩАНИЕ

Пора уже облекать
В слова документ прощальный.
Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье.

Вы знаете, я богат.
Все у меня в избытке.
Я золотой закат
Переплавляю в слитки.

Хрусталь, аметист, опал,
Брильянтовые булавки
Я у дождя покупал
В его ювелирной лавке.

Храню я кусок волны —
Пена на ней из платины,
И нежно закруглены
Выпуклости и вмятины.

Лежат в моих кладовых
Несчитанные богатства —
Сотни дорог кривых,
Чтобы по ним таскаться.

Накиданы облака
Впавал с другими вещами.
Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье.

Там вещи такие редкие,
Которым нету цены.
Есть тень у меня от ветки,
Я снял ее со стены, —

В сажень величиною
Продолговатая тень.
Еще есть окно ночное
В темень, в теплынь, в сирень...

Есть среди моих палат
Палата звездных качаний.
Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье,

Пожалуйста, адвокат,
Составьте мне завещанье, —
Пора уже отвыкать
От жизни с ее звучаньем.

Все звезды от первой и до последней,
Все огни, что ночами светятся —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Чем одаряют и одаряли
Консерватории всех веков,
Все прогремевшие бури роялей,
Все косые дожди смычков,

Все, что в скитаниях тысячелетних
Людям пригрезилось и пригрезится —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Все фантазии, все капризы,
Все иллюзии, все мечты,
Театров светящиеся кулисы,
Музеев диковинные холсты,

Всех живописцев цветные бредни,
Все, что блистательной кистью метится —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Эту грешную, эту старенькую,
Суматошную землю мою,
Утопающую в кустарнике
В парке каменную скамью,

Всю прохладу сумерек летних,
Когда легко разойтись и встретиться —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Этот снег, только что выпавший,
И развеселого босяка —
Вот он, нескладный, немного выпивший,
Идет покачиваясь слегка —

Февральской ночи шумящий ледник,
Все фонари, что звенят в гололедицу —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Все путешествия кругосветные,
Все дороги небес и земли,
Все ракеты междупланетные,
Все космические корабли,

Все сигналы планет соседних,
Когда на луну космонавты съедутся —
Тебе завещаю я, мой наследник,
Тебе завещаю, моя наследница.

Был я поэт, бедняк.
Бился, язык высуня.
Ценнее ценных бумаг
Бумага была исписанная.

Не затевал я дел,
Не заправлял финансами,
А все-таки я владел
Вот этой луной фаянсовой.

И, без копейки сживая,
Я не терял мужества:
В небе мое недвижимое
И движимое имущество.

Знал я, зубами клацая,
Знал я, ремень прикручивая,
Что у меня акции
Самые наилучшие,

Что я, по воле дивного
Случая и не случая —
Акционер правдивого,
Великого и могучего.

Отстаньте с книжкой чековой,
Когда я с книжкой Чехова!

Зачем мне ваш текущий счет?
Мой счет — неиссякаемый!
Ко мне не золото течет,
А Пастернак с Цветаевой.

Пускай сегодня я не в счет,
Но завтра может статья,
Что и Россия зачерпнет
От моего богатства.

Пойдут стихи мои, звеня,
По Невскому и Сретенке.
Вы повстречаете меня,
Читатели — наследники.

Нет, завещанье еще не полное.
Нет, завещанье еще не конченное:
Я завещаю вам гром и молнию,
Я завещаю вам море всклокоченное.

Еще завещание не заверено,
Еще не все поставлены подписи —
Я завещаю вам тучу и дерево,
Я завещаю вам выси и пропасти.

Еще не все до конца оговорено
И не оттиснуты все печати:
Я завещаю вам ветку и ворона,
Рощу осеннюю на закате,

Желтые листья, летящие накривь,
И облаков величавые сдвиги,
И на прощанье — последний параграф —
Я завещаю вам солнце и книги.

Я просыпаюсь
И рассыпаюсь.

Но не на части,
Не на куски, —
От меня откалываются двойники.

Отделяются
И удаляются.

Один из них ставит чай на плиту
И молоко наливает коту.

Еще сонный, еще ночной
Разговаривает с женой.

А щеки бреет который —
Зацапан уже конторой.

В учреждении оном
Он лает по телефонам.

И скоро его нутро
Будет трястись в метро.

А третий — поэт, лунатик —
Слушает ветра натиск,

А доведется около
Какой-нибудь юбке вертеться —
Она у него как колокол
Раскачивается в сердце.

Он удивлен.
И слышно,
Как дышит четверостишно.

Нас всех рисовал художник,
Художник из тех, дотошных.

Все вышли как на портрете —
Первый, второй и третий.

Я выгляжу как начальник:
Не голова, а чайник.

А вместо руки обрубок
Из телефонных трубок.

Кот о пиджак мой трется,
И у меня с ним сходство.

А у плиты жена
Пылает, подожжена.

И на жену из блюда
Молочные струйки льются.

И всем нам наперерез:
МАНЕ-ТАКЕЛ-ФАРЕС

С соответственным переводом:
НЕ ОПОЗДАЙ НА РАБОТУ.

Выдала кисть кубиста,
Что такое убийство.

ЧЕТЫРЕ УГЛА

Анатолию Сапронову

Вышел и вижу: четыре угла.
На каждом огромный дом.
В высь уходят квадраты стекла,
Блестя лиловым льдом.

Еще далеко до первых звезд.
На небе красный дымок.
На каждом углу сколочен помост.
С помоста кричит демагог.

Четыре угла, четыре толпы,
Четыре истошных вопля.
И я к перекрестку с другими доплыл,
Как в сеть заплывает вобла.

Приплыл на северный угол.
Вижу — орет один.
Глаза у него как уголь
Из под золы седин.

Разглагольствует хорошо!
Особенно слово «честь»
Произносит с самой большой
Буквы, что ни на есть!

— Я — говорит — патриот
Рыцарского закала,
Я говорю — вперед,
Под знаменем генерала!

Тут выходил генерал
И радостно козырял!

На генерале мундир,
Генерал распевает арии
О том, что каждому сыр
Он выпишет из Швейцарии!

И сразу — неукротим —
Рев над столицей мира:
— Все как один хотим
Вкусить швейцарского сыра!

Но те — говорит он — гадины,
У кого иностранное отчество,

И мне их на перекладине
Очень повесить хочется!

Смерть — говорит — пронырам!
Они между мной и сыром!

И вопль летит к поднебесьям:
Приказывай — всех повесим!

Пробился на угол южный,
А там вопит золотушный,
Тщедушный и некрасивый —
Нос обвисает сливой.

Я — говорит — за равенство,
Я — говорит — за братство.
Хочу — говорит — нравиться,
Хочу — говорит — лобызаться!

Как только низы
Дорвутся до власти, —
Поделим носы
На равные части!

Наш лозунг всечеловеческий:
Каждому — нос греческий!

Закончил носатый визгом
И трясанув кулаком:
— А с сыром милитаристским
Не суйтесь! Ваш сыр с душком!

Тут встает кривоногая
И обещает многое!

Справедливость сулит рабочим,
А несправедливость прочим!

В мире не место нечисти,
Надо с земли стереть,
Если не пол человечества,
То непременно треть!

Мы учиним разнос!
Мы уберем с дороги
Тех, у которых нос
Прямой и прямые ноги!

Сбрасывай под откос
Эксплуататоров класс,
Чтобы прямой нос
Стал достояньем масс!

Вышел на угол западный,
Лозунгами заляпанный.

А там либеральный чижик
Вычитывает из книжек.

Во всем — говорит — сперва
Человеческие права.

Вот господин генерал
Неоднократно и четко
Перед толпой заявлял,
Что мне перережет глотку —

А я говорю — браво!
Это его право!

И мой носатый собрат,
Сжимающий кулаки,

Был бы ужасно рад
Выпустить мне кишки —

А я говорю — браво!
Это его право!

Ни под каким видом
Не должен
Ограничиваться индивидуум!

А если страсть индивидуума
Стрелять либералов упрямо,
То это его, видимо,
Политическая программа,

А существо программ
Нельзя менять ни на грамм!

Тут пошел он дичь нести
О свободе личности!

Я сбежал, испуган,
На восточный угол.

А там аскет долговязый
Нечто вещает важное,
И на стене монашеской рясой
Тень мелькает шестиэтажная.

— Наш Бог — Бог!
А их Бог — плох!

Говорю вам, с догматом сверясь,
Все остальное — ересь!

С нами псалмы поющий
Узрит райские кущи!

А тот, кто поет на другой распев —
Того постигнет Господень гнев!

Никто не спасется бегством,
Согласно священным текстам.

Слушай и выбирай,
Что тебе говорят:
С нами пойдешь в рай,
С ними пойдешь в ад!

Да управляет миром
Генерал, осененный сыром!

А тот, кто мечтой унесся
За прямою носою,

Тот подвержен разным
Дьявольским соблазнам

И сгинет в геене огненной,
Нами из мира прогнанный!

Говорю вам, с догматом сверясь, —
Все остальное — ересь!

Над морем голов, над морем голов
Крики летят с четырех углов,

И ужас сердце мое холодит,
Что кто-то из них победит.

БИТНИКИ

Вихлясты, расхлябаны,
Клокасты, нечесаны,
С такими же бабами
Простоволосыми,
Нахохленные как сычи,
Шляются бородачи.

Видно, такая мода,
Видно, такой фасон,
Что мордой он — Квазимодо,
А волосней — Самсон!

Вот он, мой современник,
Глубокомыслен как веник.

Он и его Беатриче
Поклялись друг другу не стричься!

В этом и шик модерный,
Чтоб выглядеть попещерней!

Звонче, гитара, тренькай —
Станем на четвереньки!

А какие-то профессора
Квохчут, вздором научным потчуют:
«Время кризисов» *et caetera*,
«Социальный протест» и прочее,

И выходит, что волосатость
Чуть ли не философский статус.

До коленных суставов вытянись,
Подбородочная растительность!

Объявляю — я тоже битник
Из самых из первобытных:

Я ратую горячо
За шкуры через плечо,
За набедренные повязки
Ослепительнейшей раскраски,
За дубины и за костры,
За каменные топоры.

Объявляю, что я поборник
Запрещения всех уборных, —

Социальный во мне протест
Против отхожих мест!

Я к природе, к земле влекусь,
И меня вдохновляет куст!

Взъерошенные как птахи,
На скамьях сидят неряхи.

Но все ж восседают парами,
Целуются все ж по старому,

Смеются, друг дружке нравясь,
Трещат — разорви их атом —
И во мне накапливает зависть
Лысого к волосатым.

НОВОГОДНЕЕ

Ночка новогодняя
В звезды разодета.
Никуда негодная
Катится планета.

Что ты кружишь попусту,
Что ты мчишься в темень,
Наклонив над пропастью
И Москву, и Бремен,

И Париж, и Токио,
И Милан, и Сочи,
И летят высокие
Ледяные ночи.

И в Чехословакии,
В Англии, в Китае,
Слышно — звезды звякают,
Отблески кидая.

Где-то кружат спутники,
И луна могуче
В рыцарском нагруднике
Прошибает тучи.

И жестикулируя
Шумно и вульгарно,
Снег полемизирует
Со столбом фонарным.

И опять, с опаскою
В будущее глядя,
Пьем с тобой шампанское
В полночь в снегопаде.

Пьем вино мы колкое,
Чокаясь, мы вспомним —
С Новом Годом! (сколько их!)
С Новым счастьем! (что в нем!)

О хрусталь, красавица,
Хрусталем ударим!
Дай нам Бог управиться
И со счастьем старым.

Сергею Голлербаху

В музее современного искусства
Я сразу в вестибюле, сгоряча,
Со скрежетом, со щелканьем и хрустом
Откручиваю руку от плеча.

Я находиться здесь хочу по праву,
От атомного века не отстав,
Я спешно разбираю по суставам
Мой остеологический состав.

Развинчиваю колено,
Выламываю ключицу.
Субъект здоровенный
По лестнице мчится.

На нем все глажено,
И галстук — спектр.
Он — взбудораженный,
И он — директор!

Вздохнув утробно,
Он мне сказал:
Вы допотопны
Как динозавр!

Все это грубо
И неприлично.
Все это кубо —
Футуристично.

Вы — деревенщина,
Вы так бестактны:
У вас все — вещное,
А мы абстрактны.

Несите прочь свое добро,
Свое бедро, свое ребро —
Старо, старо!

Собираю кости понемножку.
Говорю, сконфузившись заметно:
Обещаю — разобьюсь в лепешку,
Стану совершенно беспредметным!

Но, выпучив глаза,
Он заявляет: нет,
В лепешку нельзя,
Лепешка — предмет!

Но я продолжаю с чувством,
До слез директора трогая,
— Я так разобьюсь, клянусь вам,
Что останется место мокрое!

Он отвечает басом:
— Вот так бы и давно!
Разбейтесь, а мы раскрасим,
Человек — это пятно!

Спрашивал ответа
У лингвистов,
Как перевести
С языка ветра
На язык листьев?

Ветер только-только
По веткам
Проскакивает.
А листья тонко-тонко
От ветра
Позвякивают.

Верзила-ветер,
Поди спроси его,
О чем он по-петербургски
 грассировал,
А листьям казалось,
Что ветер с ними вальсировал.

Как перевести
С языка звезды расплесканной
На язык воды распластанной?

Смотрит звезда в водоем,
Влюбленные бродят вдвоем.
Каждый говорит о своем.
Каждый говорит о своем.

Как перевести,
Что мне говорят сады —
На язык моей ночной беды?

Как перевести, мой друг,
На язык вот этих строк
Веток стук,
Листьев говорок?

Что там — смех,
Или там плач?
Я, как на грех,
Плохой толмач.

Лужица сушится
У фонаря.
Над лужицей кружатся
Два воробья.

Может быть
Говорит
Воробей воробью:
— Я тебя перепью, перепью!

А может
Чирикают два воробья,
Ни о чем по сути не говоря.

Найдите-ка переводчика
Для этого разговорчика.

Вот сижу со всякими
Зеваками.
Приникаю к лунному лучу.
Даже с музой
Объясняюсь знаками,
Сам не знаю,
Что я бормочу.

ДУРАКИ

Жили-были дураки.
Жили — не тужили.
Недотепы, вахлаки,
Тюти, простофили.

Что ни скажешь дуракам —
В пол-лица улыбка.
Дураки по пустякам
Удивлялись шибко.

Эй, во весь широкий рот
Улыбнись, Ванюха,
Чтоб от уха в разворот
До другого уха!

И глядишь — на полчаса
Рот колодца шире.
Все для дурня — чудеса
В нашем Божьем мире.

И любили дураки
Всякие безделки.
Все играют в городки,
В чехарду, в горелки.

А когда, случилось, лил
С неба дождик бурный —
Изо всех дурацких сил
Удивлялись дурни:

— Ишь накапало воды!
— Лезь купаться, Фомка!
Дураки на все лады
Восхищались громко.

Ну, а ежели дождя
Не было в помине —
Говорили, разводя
Лапами, разини:

— Удивительно, что вот
Совершенно сухо!
И опять от уха рот
До другого уха!

Сколько раз они на дню
Заливались смехом!
Если пень — смеялись пню,
Если вехи — вехам.

Знать обычай уж таков:
Покажи им палец —
Сразу сотня дураков
Рот разинет, плясь!

Для веселья тьма причин
Самых непостижных.
В дикий хохот дурачин
Приводил булыжник.

— Посмотри, какой кругляш!
— Веса в нем полпуда!
И дурак приходит в раж,
Словно видит чудо.

Чуть светало — из ворот
Выходили чинно.
И дивился на восход
Каждый дурачина.

Только стоило лучу
Брызнуть в отдаленьи —
Проходил по дурачью
Шорох удивленья.

Тут ничем уж не унять
Дурьего восторга!
Солнце жалует опять,
И опять — с востока!

А когда горит закат,
Желт или пурпурен —
Дурень счастлив, дурень рад,
Очарован дурень!

Скопом сядут на бугор,
Дур своих облапят —
И глядят, глядят в упор,
Как пылает запад...

А когда, сквозь вороха
Туч едва наметясь,
То и дело полыхал
Белым светом месяц,

Иль являлся, просияв,
Меж ветвей корявых,
То у всех семи застав
Ахали разявы:

— До чего же он смешон!
— До чего потешен!
— Да видать, что к небу он
На вожже подвешен!

Испокон у них в ходу
Был такой обычай:
Выбирать себе звезду,
В небо пальцем тыча.

Подымался тут галдеж,
Столько было спора:
— Петька, эту ты не трожь,
Эта — Никанора!

И такую чушь несут
С видом прекурьезным!
Даже был особый суд
По делам их звездным.

Надевал судья колпак
И хитон лазурный
(И судья-то был дурак,
И судились дурни...)

Плел судья такую речь,
И такое ляпал,
Что от смеха просто лечь
Можно было на пол.

Всех смешил он под конец
От его словечек
Хохотал всю истец,
Хохотал ответчик,

Прокурор и адвокат,
Секретарь и стражник,
Хохотала, севши в ряд,
Дюжина присяжных.

Так, хватаясь за бока,
Хохотали хлестко,
Что со стен и потолка
Сыпалась известка!

Хохотали крепко, всласть,
Хохотали густо,
Из-за хохота упасть
Умудрилась люстра!

Хохот-грохот, хохот-взрыв,
Хохот до упаду,
Хохотали, обвалив
С хоров балюстраду!

В смехе вздулся так один,
Ерзая на стуле,
Что срывались со штанин
Пуговицы пулей,

У него трясло живот
Смехом приглушенным,
Как будильники трясет
На рассвете звоном!

И казалось — из кишек,
Дребезжаще-тонок,
Вырывается смешок,
Верткий как мышонок!

Тут гогочет, сам не свой,
Дурень среди гвалта,
Точно бьет по мостовой
С грохотом кувалда!

А другие — посмотри —
Изо ртов опухших
Ну совсем как пушкари
Ахают из пушек!

У судьбы был дивный дар
Толковать о звездах:
Раздуваясь словно шар,
Он взлетал на воздух!

Тут уж хохот шел до слез,
До икот, до грыжи,
Кто-то хохотом разнес
Половину крыши!

Хохот, гогот, грохот, визг
По суду раскатом!
Забывал истец про иск
Вместе с адвокатом.

Хохот, грохот, гул и гуд
Шквалом и напором!
Забывал судья про суд
Вместе с прокурором.

Животы порастрятся,
Отдышавшись еле,
Забывали все и вся
О судебном деле.

Уходил домой дурак
Весел, беззаботен.
Провожал его собак
Лай из подворотен,

Долго слышался галдеж,
Выкрики орясин:
— Боже правый, до чего ж
Суд у нас прекрасен!

— И судья-то наш силен,
У него не путай!
— И летать умеет он
Как пузырь надутый!

Жили-были дураки.
Много не гршили.
Недотепы, вахлаки,
Тюти, простофили.

Не гршили — ну а все ж
И у дурней даже
Приключался и грабеж,
И дебош, и кражи.

Как прослышали, что взлом
Ночью у Егора,
Так и ловят всем селом
По дорогам вора.

А поймают — поведут
Посреди базара,
Не миндальничают тут, —
По делам и кара!

Если, скажем, вор упер
С кухни медный чайник,
То за это будет вор
Небольшой начальник!

А сумел коня украсть
Где-нибудь ворюга —
То ему тотчас во власть
Целая округа!

И напрасно вор орет:
— Братцы, лучше плаха!
И глаза его вот-вот
Вылезут от страха, —

Дураки ему в ответ:
— Живо, лупоглазый, —
Отправляйся в кабинет,
Отдавай приказы!

Будешь нами управлять,
Каждодневно мучась!
...На коленях молит тать,
Чтоб смягчили участь.

— Раз сподобило украсть —
Так ступай к ответу!
— На земле страшней чем власть
Наказанья нету!

Раз увидели в селе,
Как идет угрюмо
Человек, на чьем челе
Отразилась дума!

Он идет среди лотков,
Средь торговцев шумных...
Так в селеньи дураков
Объявился умник.

Вот на бочку он встает,
Кличет Ванек, Митек,
Созывает весь народ,
Объявляет митинг.

Говорит: ученье — свет,
Неученье — темень,
И про университет,
И про город Бремен,

И про это, и про то,
И про все на свете,
И крылом на нем пальто
Раздувает ветер.

Он стоит во всей красе.
Говорит он: — Дурни,
Неотесаны вы все,
Все вы некультурны.

— Дурни, кто из вас закон
Знает Архимеда?

— Кто такой Наполеон?

— Кто живет в Толедо?

— Где течет Гудзон-река?

— Что такое линза?

— Из какого молока

Делается брынза?

— Где вершина Арарат?

— Что такое синус?

— Есть ли в атоме заряд,

Плюс в нем или минус?

— Как доходит звездный свет?

— Кто разрушил Трою?

— Дурни! Университет

Я для вас построю!

— Дурни! Вам сама судьба

Шлет меня на благо.

Даже нет у вас герба,

Гимна нет и флага!

А без этого никак
В мире невозможно.
Будет герб у вас и флаг,
Гимн, рубеж, таможня!

Для того, чтобы враги
Вас не одолели, —
Вам наденем сапоги,
Выдадим шинели,

По ружью через плечо —
И в колонны стройся!
Отправляйся, дурачье,
Проявлять геройство!

Если, скажем, ты в стрельбе
Меток по мишеням,
То на ленточке тебе
Мы медаль наденем!

— Представляете вы блях
Блеск на гимнастерке?
Дураки тут «ох» и «ах»,
Прыгают в восторге!

С той поры минуло лет
Может быть не мало...
Занял университет
Чуть не три квартала.

И теперь дурак глядит
Пасмурно нахмурен,
Оттого что эрудит
Этот самый дурень.

Носит он воротничок.
Вид имеет светский,
На груди его значок
Университетский.

С неба дождик лей, не лей,
Ливень иль не ливень —
Не дивится дуралей!
Он не столь наивен.

Все науки превзойдя,
Знает в полной мере,
Как и чем процесс дождя
Вызван в атмосфере,

Знает, что с собой несет
Расщепленный атом,
И кто царствовал в пятьсот
Девяносто пятом!

Он теперь не так-то прост,
Обтесался вроде,
И не выбирает звезд
Он на небосводе.

Но студент он иль солдат —
Сам не знает толком,
И теперь в него палят
Пулей и осколком.

И стоят на рубеже
У него орудья.
Но в суде давно уже
Не летают судьи.

Да и суд теперь суров,
Не дает он спуску:
Из суда везут воров
Сразу же в кутузку.

Только кару здесь несут
Не одни злодеи:
Дураков таскают в суд
Также за идеи...

Тьма событий на веку:
Учат, судят, ранят.
Не до смеха дураку:
Он ужасно занят.

И дурак совсем не рад,
И живет он в страхе.
Но зато на нем звенят
И сверкают бляхи.

Я с вами проститься едва ли успею.
Ракета на старте и близится запуск.
Меня высылают на Кассиопею,
В какую-то звездно-туманную зябкость.

Еще я случившимся всем потрясен.
Себя донимаю вопросом невольным:
Зачем я отправился на стадион?
Как я очутился на матче футбольном?

Ракета рванется — и был я таков,
Меня понесет к фантастическим высям,
Не ждите моих телефонных звонков,
Не ждите моих телеграмм или писем.

Трагически выбросив руки вперед,
В толпу нападавших ныряет голкипер.
Сто тысяч людей на трибунах орет,
Сто тысяч качается с ревом и хрипом,

Как будто гремит на трибунах хорал
И сто Ниагар низвергается дико,
И как же случилось, что я не орал,
Что я не издал ни единого крика!

Умильно глаза к небесам возведя,
Мне так говорил на прощанье судья:
— Я счастья желаю вам в мире ином.
Вам нечего делать на шаре земном.

Вокруг меня злобою воздух сожжен,
Мотаются лица, гримасами пенясь,
Орут мне — стилияга, кричат мне — пижон,
Шипят — тунеядец, вопят — отщепенец!

Уже адвокаты меня не спасут,
Уже отреклись от меня адвокаты,
Уже надо мной показательный суд!
Повсюду собранья, повсюду плакаты,

Я враг человечества — я не орал,
Когда человечество дружно орало,
Меня посадили в тюремный подвал.
Я ночью на звезды гляжу из подвала.

И вот среди звездной сверкающей пыли
Уже я лечу небосводом ночным,
Как будто меня ослепительно вбили
В ворота вселенной ударом штрафным!

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Державин

Да что я — бревно какое,
подхваченное рекою
смывающих все времен.
А где-то рядом Державин
барахтается, забавен
и с участью примирен.
И все мы несемся скопом,
застигнутые потопом
мгновений, минут, веков.
И одинаков жребий
праведников и отребий,
гениев и пошляков.
Я времени не попутчик!
в потоках его шипучих
плыву вперекор ему,
Как бился я в рукопашной
с волною его вчерашней,
так с завтрашней бой приму.
И, подымаясь руслом,
я слышу, как время с хрустом
ломается изнутри.
Я время пробью — и двинусь
туда, где идут впереди нас
народы, царства, цари.

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Эмигранты, хныкать перестаньте!
Есть где, наконец, душе согреться:
Вспомнили о бедном эмигранте
В итальянском городе Ареццо.

Из-за городской междоусобицы
Он когда-то стал невозвращенцем.
Трудно было, говоря по совести,
Уцелеть в те годы во Флоренции.

Опозоренный и оклеветанный
Вражескими ложными наветами,
Дважды по одним доносам грязным
Он заглазно присуждался к казни.
В городе Равенне, на чужбине,
Прах его покоится поныне.

Всякий бы сказал, что делу крышка,
Что оно в веках заплесневело.
Но и через шесть столетий с лишком
Он добился пересмотра дела.

Судьи важно мантии напялили,
Покопались по архивным данным.
Дело сочинителя опального
Увенчалось полным оправданьем.

Так в законах строгие педанты
Реабилитировали Данте!

На фронтонах зданий гордый профиль!
Сколько неутешных слез он пролил
За вот эти лет шестьсот — семьсот...
Годы пылью сыпались трухлявой.
Он давно достиг уже высот
Мировой несокрушимой славы.

Где-нибудь на стыке шумных улиц
В небольшом пыльнозеленом сквере
Он стоял, на цоколе сутулясь,
Осужденный Данте Алигьери.

Думал он: в покое не оставят,
Мертвого потребуют на суд:
Может быть, посмертно обезглавят,
Иль посмертно, может быть, сожгут.

Но в двадцатом веке, как ни странно,
Судьи поступили с ним гуманно.

Я теперь смотрю на вещи бодро:
Время наши беды утрясет.
Доживем и мы до пересмотра
Через лет шестьсот или семьсот.

Вот мои комнаты светлые, ясные.
Окна с огромными ветками ясеня.

Ваза на столик поставлена с розами,
В гости ко мне все друзья мои позваны.

Слышно, как ветки за окнами возятся.
Только у двери ни стука, ни возгласа,

Только уж слишком светло и торжественно,
Слишком возвышенно небо развешано,

Слишком он холоден, свет этот брызнувший,
Слишком прозрачный и слишком он призрачный,

Кажется — это не розы на столике,
А над хрустальной вазою сполохи.

Ваза и розы и ветки за стеклами,
Небо закатное с кровоподтеками, —

Сколько простора и света и воздуха!
Но ни один не явился из позванных.

Я разминулся с друзьями во времени,
Где-то они за окном, за деревьями,

За океаном, за всеми закатами,
Где-то затеряны, где-то запрятаны,

Может быть даже вас нет на земле еще,
Круглой земле между звезд зеленеющей,

Где для меня было самое высшее —
Это мгновенье и это двестишье.

Может быть встретимся где-нибудь в воздухе
На подвесном, на приснившемся мостике,

И покачаемся по небу наискось,
Там, где осанисто плавают аисты.

Т. и А. Фесенко

Мой город грозный, город грандиозный,
Под небом звездным, сам как небо звездный.

Он весь в кометах, весь он в метеорах,
И сполохов на нем навален ворох.

В прожекторах, в светящихся рекламах
Он полыхает как волшебный замок,

И Млечный путь не возгордился чтобы,
Есть Встречный путь — ночные небоскребы!

Каскадом, звездопадом, светопадом
Автомобили мчат по автострадам.

И проносясь в автомобильном гуде,
Мы за рулем кентавры, а не люди.

Аэропланы, блещущие хромом,
Соперничают с молнией и громом,

И океанский пароход нежданно
Просвечивает четверть океана,

И входит в док качающимся, длинным,
В пять этажей пылающим камином.

А мы всю ночь валом куда-то валим
По вертикалям и горизонталям.

В такую высь нас поднимают лифты,
Откуда слышны ангелов молитвы,

Но лифтов металлические кубы
Не к ангелам, несут в ночные клубы,

Где джаз звенит на крыше небоскреба
И негр поет с завывом и захлебом.

Мы по ночам все выброшены вверх,
В какой-то многоцветный фейерверк

Арен, эстрад, экранов, галерей,
В мой город всех ветров и всех огней,

В мой город всех огней и всех ветров,
Где погибаем мы от катастроф...

Жил Диоген в бочке —
Битник прямой с виду.
Носил, подвязав шнурочком,
Латаную хламиду.

Лепешка да кружка воды
На камушке под рукой,
И окромя бороды —
Собственности никакой.

Простите, забыл совершенно:
Фонарь был у Диогена.

И этот чадящий снаряд
Таскал Диоген упрямый,
Что было, на мой взгляд,
Сущей саморекламой:

Дескать, народ, кумекай,
Куда это мы прем:
В поисках человека
Шествуем с фонарем.

Эх, Диоген, приятель,
Эх, Диоген, дружок!
Даром ты время тратил,
Зря фитили ты жег!

Послушай-ка, Диоген, —
Выброси свой рентген!
Зряшным ты занят делом:
Человек не бывает целым.
Человека на сто черепков
Время ломает сразу,
А потом в течение веков
Собирают его, как вазу.

Начнут собирать с осколка,
А этих осколков сколько?

Шел я Английским парком,
Осенью шел я мюнхенской —
И сероглазой баварке
Прямо в зрачки я плюхнулся.

Когда-нибудь вам придется,
Искатели черепков,
Вытаскивать, как из колодца,
Меня из ее зрачков.

Бессонно сереют лица,
И без единого проблеска
Все еще где-то длится
Ужас ночного обыска,

И все еще под наганом
Я у стены стою.
Где? Под каким курганом
Найдут эту ночь мою?

Какою землечерпалкой
Разворошат они
Наброшенные вповалку
Ночи мои и дни?

И кто-нибудь, интересной
Находкою изумлен,
Скажет: смотрите, треснул
По сердцевине он!

В пазухе темной ямы
Юность найдут мою.

Разве я тот же самый
В баре ньюйоркском пью?

Лихо бокалом звякая,
Празднично пью при свечах.
Со мною поэт — гуляка,
Бабник и весельчак.

Девочка из Боготы
Смеется за нашим столом,
И годы идут как готы
В снегу за ночным стеклом.

Звезды в бокалы капают,
Тонут в вине сиреновом —
И кто-то уже откапывает
Нас, занесенных временем...

Куда тебе, Диоген,
С твоею коптилкой зряшной!
Попробуй, найди мой день
Вчерашний иль позавчерашний, —

День, что уже прожит
И отбыл во тьму веков.

Кто же меня сложит,
Как вазу из черепков?

ИЗ КНИГИ «ПО ДОРОГЕ ОТТУДА»

Родина! Мы виделись так мало,
И расстались. Ветер был широк,
И дорогу песня обнимала,
Верная союзница дорог.

Разве можно в землю не влюбиться,
В уходящую из-под колёс?
Даже ивы, как самоубийцы,
С насыпей бросались под откос!

Долго так не выпускали ивы, —
Подставляя под колёса плоть.
Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь.

Бомбы истошный крик —
Аэродром в щебень!
Подъемного крана клык
На привокзальном небе —

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю —

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
Бьющееся в падучей,
Мученический венец
Проволоки колючей —

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
Брали. И вот со склона

Ринувшееся вспять,
Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
Дважды от крови ржавый,
Загнанное в тупик
Дьяволовой облавой —

Ты, мое столетие!

Царственные века
Были твоим подножьем.
Продано с молотка,
Выжжено гневом Божьим —

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твои,
Шиты твоим покроем.
Бурей своей пои!
Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты, мое столетие!

Сразу же за гаражем
И далее к мастерским —
Закат расстился пляжем,
А небо — заливом морским.

Там осень гуляла Крезом,
А у нее за плечом —
Мешок со ржавым железом
И ломаным кирпичом.

Поэты за эту рухлядь
Кровью платили парной,
Пока в садах не потухли
Березы все до одной,

Поэты, кланяясь кленам,
Стояли по всем углам,
Кланялись, как обновленным
Кланяются куполам...

Но изорвалась в дырки
Вся эта мишура,
И осень, как рыжий в цирке,
Шлепнулась у ковра.

Только вверху, напоследок,
Целуя тебя, высота,
Бьются меж голых веток
Последние два листа.

Но с трапеции-ветки
Рухнут в небытие
Работающие без сетки
Сердца — твое и мое!

ЗВЕЗДЫ

Моему отцу

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой.
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

— Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки

Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпей,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был — ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном — круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол. —
Каждый листик — сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но всё нервнее курим,
Реже спим, и радуемся злей.
Это — город тополей и тюрем,

Это — город слёз и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как еж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд топчет версты,
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные таращ!
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!
Этот поезд, крадущийся воров,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пёс под семафором,
Он боялся зажигать огни.
Чащами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,
Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянется больной.

В небе смерть. И след ее запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпицрутеном шпицрутен

С четырех сторон прожектора!
За свободу вырванную ратуй!
Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
...Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой?
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!
Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чём.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреб.
Нас судьба ударила наотмашь,

Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому, что знаем: неба нет.

Кому-то кто-то что-то доказал
И убедил кого-то кто-то в чём-то.
Стоит с пробитой крышею вокзал
И всюду хаос Божьего экспромта.

Наказывай! Нас не прельщает рай,
Твой тихий рай, Твой остров голубиный!
На головы нам молнии роняй!
Топи в морях! Гони нас в рай дубиной!

Во имя человеческой тоски
Мы отречемся от Твоей опеки,
Чтоб драться вновь за рыжие пески,
За облака, за голубые реки!

Сжигай до тла! Мы выдержим напор.
Гори, земля! Клянусь над пепелищем:
Мы первобытный каменный топор
В тысячелетних залежах отыщем!

Мы выстроим наш непутевый рай!
Наш дымный рай! Мы не хотим иного!

Останови! Разгневайся! Карай!
Нам по счетам выплачивать не ново!

Твоя цена не будет дорога.
Платили мы, и всё сполна заплатим
За наше право убивать врага
И другу отвечать рукопожатьем.

Мне девять лет. Я только что с перрона.
Я в первый раз на даче под Москвой.
Взлетевшая на каланчу ворона
Мне кажется огромною совой.

И месяц левитановский над стогом
Так робок, что не движется почти.
Он сам не знает, по каким дорогам
Ему придется в эту ночь идти.

— Ты видишь тракт? По нем когда-то с юга
Татары приходили на Москву.
Я слушаю, и жмущусь от испуга,
К отцовскому прижавшись рукаву.

Я помню ночь. Так каждый мальчик помнит
Свой первый сон под новым потолком.
Всю эту крышу с полутьмою комнат
Сад облегал густым воротником.

Там света не было. И в щели дуло.
Всю ночь поскрипывал дверной запор.
Отец, ложась, к высокой спинке стула
На всякий случай прислонил топор.

Я всё не спал. Всё слышал крик татарский.
Там шла орда, повозки волоча.
А месяц плащ брильянтовый по-царски
Дарил земле со своего плеча.

Как ночь эта памятна
Тревожным гудком,
Походкою мамонта,
Лунным клыком!

Мой город испуганный,
Мой каменный друг,
Мой город обугленный
Толпился вокруг...

Он всеми заставами
Шел на вокзал,
Он домом оставленным
На рельсы сползал,

Он грозно ощеривал
В небе столбы,
Он каждое дерево
Рвал на дыбы!

Мне путь загоразивал
Каменный вал.
Город мой заживо
Меня отпевал.

Смерть? Погибель? Конец? Неправда!
Кто упал? Обессилел кто?
Знаю я: не сегодня, так завтра,
А не завтра, так через сто,
Через двести лет, через триста —
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою.

ИЗ КНИГИ «ОТСВЕТЫ НОЧНЫЕ»

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне нехватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Отпускаю в дорогу с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем обманывающим и сулящим,
По которым мы жизни тащим.
Отдаю и реке, и саду,
И скамье, где с тобой не сяду,
И кусту отдаю, и оврагу,
И траве, где с тобой не лягу,
И предутреннему перрону,
Где, прощаясь, тебя не трону.

Отдаю всем заливам синим,
Где мы в воду камней не кинем,
Всем перилам и всем оградам,
Где с тобой не застынем рядом.

Отпускаю в дорогу с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем тревожным привалам нашим,
На которых свистим и пляшем,

На которых поем и плачем...
Всем удачам и неудачам.

Отдаю тебя на поруки
Ветру, счастьем, дождю, разлуке —
Тем, что будут с тобой повсюду,
Там, где я никогда не буду.
Отдаю тебя службам жадным,
Лифтам, лестницам и парадным,
Коридорам и кабинетам,
Разговорам, кивкам, газетам,
Папкам, подписям и печатям.
Так мы порознь жизнь растратим.
За казенным и за поденным
Сумасшествием телефонным.

Отдаю тебя всем соблазнам,
Встречам легким, веселым, праздным,
И печальным горячим встречам
В час, когда защититься нечем.

Послушай, я всё скажу без утайки.
Я жертва какой-то дьявольской шайки.
Послушай — что-то во мне заменя,
В меня вкрутили какие-то гайки,
Что-то вмонтировали в меня.

Впервые почувствовал я подмену,
Когда мне в окно провели антенну,
Когда приемник вносили сюда,
Как будто втащили Лондон и Вену,
И Рим и Москву — и все города!

И поползли на меня через стену
Змеями черными провода.

Послушай, сперва добрались до слуха
И стали мне перестраивать ухо,
Взялись сверлить и долбить и вертеть.
Что-то в ушах моих щелкнуло сухо:
Слух мой включили в общую сеть.

И вот в мои слуховые каналы
Вломились все позывные сигналы,
Разом крутиться пластинки пошли,
Заговорили вразброд, как попало
Радиостанции всей земли.

И отключили от Божьего мира
Душу мою — моего пассажира.

Послушай, я скоро прибором стану,
Уже я почти что не человек,
В орбиты мне вставили по экрану,
И я уже не увижу поляну,
Я не увижу звезды и снег.
А будут на пленочной амальгаме,
Где-то под веками мельтеша,
Экранные люди в джазовом гаме
Выкидывать сплюснутыми ногами
Остервенелые антраша.

Пойми, мне помощь нужна до зарезу,
Пойми, я больше так не могу,
Меня опять готовят к протезу,
Уже протянут холод железа
Где-то в бедном моем мозгу.

Я знаю их адские выкрутасы,
Знаю, к чему это клонится всё,

Они мне сердце хотят из пластмассы
Вставить и вынуть сердце мое.

И никуда я от них не укроюсь,
От них никуда мне не увильнуть.
Мой пассажир оставляет поезд.
Порожняком я трогаюсь в путь.

Я даже смерти не удостоюсь.
Мне запретили отныне и впредь
По-человечески вспыхнуть, то есть
По-человечески умереть.

Ни ангельских крыльев, ни эмпиреев,
Ни райского сада, ни звездных люстр,
А просто иссякнет заряд батареи
И я как машина остановлюсь.

У вас в глазах то робость,
То озорство, то страсть.
У вас глаза как пропасть,
Где так легко пропасть.

Они у вас туманны,
И чуть блестят они.
У вас глаза — капканы,
Ловушки, западни.

Там вспыхивает шатко,
Там прячется, скользя, —
Решимость и оглядка,
И можно, и нельзя,

Открытость и рисовка,
Отчаянье и блажь —
Глаза, как маскировка,
Глаза, как камуфляж,

Как лунных два осколка,
Как дымных два цветка,
У вас глаза — двустволка,
Что бьет наверняка.

У вас они бездонней
Всех омутов и рек,
У вас в глазах — погоня,
У вас в глазах — побег.

И собственному сердцу
Я говорил не раз,
Что мне не отвертеться
От ваших дымных глаз.

В них темный ветер риска,
В них сам себе я снюсь.
Когда-нибудь я низко
Над ними наклонюсь.

Я вывеску приколотил:
— Лавка ночных светил —

Я нанизал, как бусы,
Луны на все вкусы.

— Печальные анонимы,
Апологеты уныния!
— Совершенно незаменимый
Месяц из алюминия!

У него замашки
Дагестанской шашки!

Занесен он наголо
Ослепительно светло.

А на левом фланге
Месяцы — бумеранги.

Как паутинки
Тонки и робки,
Месяцы — льдинки,
Месяцы — скобки.

Рядом на полке
Месяцы — щелки.

Месяц — хрусталик,
Месяц — крючок,
Месяц — рогалик,
Месяц — стручок.

Выточен плотно,
Тяжек, упруг,
В тучах — полотнах,
Месяц — утюг.

Кто о месяце этом
Вспомнит добром,
Он висел над кацетом
Человечьим ребром.

Вы видите, луна красна,
Вся в облачном угаре,
Как будто бы всю ночь она
Гуляла на пожаре.

Отходящие ко сну,
Любители томления,
Хотите, доведу луну
До белого каления?

Сочинять надоело,
Столько лет потерял.
Ликвидирую дело,
Продаю матерьял.

В ГРИНВИЧ ВИЛИДЖ

Всю ночь музыкант на эстраде
Качался в слоистом дыму,
И тени, по-волчьему, сзади,
На плечи кидались ему.

Себя самого растревожа,
Он несся в какой-то провал
И нежно во влажное ложе
Протяжные звуки вливал.

Здесь всякий приятель со всяким,
И всякий здесь всякому рад.
Артисты, пропойцы, гуляки.
Толкаются, пьют, говорят.

Над столиком тонкий светильник
Мелькает в зеленом стекле.
Привет тебе, мой сомогильник,
Еще ты со мной на земле.

Привет тебе, мой современник,
Еще ты такой же как я,
Дневной неурядицы пленник
Над рюмкой ночного питья.

Какая-то тусклая жалость
Из труб серебристых текла,
Какая-то дрянь раздевалась
На сцене ночной догола.

Картины кострами сложите
И небо забейте доской!
Не надо уже Афродите
Рождаться из пены морской,

Не всплыть ей со дна мифологий,
И пена ее не родит,
Тут девка закинула ноги,
Тут кончился век афродит.

Я пальцами в такт барабаню,
Я в такт каблуками стучу,
Я тоже со всей этой дрянью
В какую-то яму лечу.

Высунулся во мглу
Из вороха одеял.
Проверил — стоит ли дом на углу:
Стоит, как вчера стоял.

Поправил ветер в саду,
Что бил о звезду доской,
Из сада убрал звезду
И вывесил над рекой.

Кажется, Орион
Задел и качнул плечом,
И ушел досматривать сон
(Уже не помню о чем).

СОДЕРЖАНИЕ

Мой день	5
Письмо антиподу	10
Хватит слоняться	17
Поэт	20
Неслышно входит	22
Что с деревом делать осенним	24
Алебастром сверкает гостиница	26
Читаю Боккаччо	27
Как с трамплина влетают в бассейн	29
Встал у платформы	30
Я решаю вопрос большой	31
На Севере и на Юге	33
Ниагара	34
Бог восхитился шаром	39
Стопудовые и древние	41
Странно и неожиданно	42
История стихотворца	43
Я не знаю, где бы выпросить	44
Завещание	46
Я просыпаюсь	52
Четыре угла	55
Битники	61
Новогоднее	63
В музее современного искусства	65
Спрашивал ответа у лингвистов	67
Дураки	70

Я с вами проститься едва ли успею	84
Да что я — бревно какое	86
Невозвращенец	87
Вот мои комнаты	89
Мой город грозный	91
Жил Диоген в бочке	93

ИЗ КНИГИ «ПО ДОРОГЕ ОТТУДА»

Родина! Мы виделись так мало	97
Бомбы истошный крик	98
Сразу же за гаражем	100
Звезды	102
Кому-то кто-то что-то доказал	107
Мне девять лет	109
Как ночь эта памятна	111

ИЗ КНИГИ «ОТСВЕТЫ НОЧНЫЕ»

Мне незнакома горечь ностальгии	113
Отпускаю в дорогу с Богом	114
Послушай, я все скажу без утайки	116
У вас в глазах то робость	119
Я вывеску приколотил	121
В Гринвич Вилидж	124
Высунулся во мглу	126